

Коллекцию путешествий иностранцев по Сибири в XIX в. пополнило еще одно, автор которого полька Эва Фелинская (встречается в литературе и иное написание — Ева Фелинская) не по своей воле оказалась в Березово. Ее, жительницу Киева, сослали в этот маленький сибирский городок как руководительницу «Женского общества» (филиал «Союза польского народа»), за просвещение польских крестьян, где она и пробыла в течение 1839–1841 гг. До этой публикации русскому читателю автор дневника была известна лишь как мать архиепископа Варшавы митрополита Сигизмунда (Зигмунта) Фелинского (Щенсны), который в 1863 г. обратился к Александру II с призывом прекратить насилие над поляками, за что и был сослан в Ярославль, где провёл почти двадцать лет в полной изоляции от внешнего мира.

«Воспоминания о путешествии в Сибирь, пребывании в Березове и в Саратове» были переведены на английский и датский языки практически сразу после появления трехтомника (Вильно, 1852–1853). Имя польского литератора возникло из небытия благодаря усилиям краеведа из Ханты-Мансийска В.К. Белобородова, на глаза которого попала газетная заметка с упоминанием о Еве Фелинской.

Профессор филологии О. Трофимова перевела дневники по публикации в виленском журнале “Athenaeum” без купюр, предложив читателю экзерсис «природе дикой, еще несущей на себе отпечаток Творца, не стертый усилиями человека». До приезда в Сибирь человек из Европы Э. Фелинская не имела опыта городов, в которых не ездят, потому что нет колес, экипажей, дороги. В Березове в середине позапрошлого века ходили пешком или плавали на лодках. Ездить можно было, но разве что зимой, когда реки и болота «могут выдержать груз на своем хреб-

те». И в этом огромном пространстве, напоминающем скорее пустыню, глаз автора нет-нет да и цепляется за детали, которые и сегодня не пахнут литературной замшелостью.

Вербы из-за сильной скученности росли вверх так, что «просто стреляли в небо и выглядели как леса итальянских тополей».

Эва все, что видит здесь, пытается объяснить своему читателю через европейские реалии. Хотя делать это ей очень непросто. Ибо ее мир в Березове расколот на несколько частей, соединить которые можно лишь в калейдоскопе: «здешние русские»; «казаки являются в Березове тем же, чем у нас евреи»; «остяки несносно смердят»... И от такого разнообразного окружения из уст сдержанной женщины вырывается вопрос: «Разве этот мир, мир, в котором я живу, принадлежит мне?» Хотя еще несколько страниц назад автор была умиротворена по-весеннему кокетливым городом, предоставившим ей жилье в виде маленького домика «с утонченным целомудрием», в котором хотелось бы «жить и умереть».

Но нет-нет да и проскальзывает на первых страницах дневника мотив непонятной читателю родины: «в наших городках»; «не найдешь такой нужды, какую у нас часто можно увидеть в низшем классе»; «там женщины церемонятся и выбирают среди мужчин — у нас все происходит наоборот»; «образование детей, которое стоит у нас так дорого»; «никогда у себя на родине я не видывала таких ливней, как здесь»; «обычай, который прямо противоречит принятым у нас традициям»; «у нас шарлатанские проделки утратили уважительное к себе отношение даже у простонародья»; «все другое, не такое, как у нас»...

И ни слова: где же это «у нас»?

Сдержанность не позволяет автору даже в воспоминании о письме из дома обмолвиться хотя бы единым словом о

сыне. Разве что о Паулине, которая хочет обязательно приехать к маме...

Знакомясь с двухэтажным Березовым, зажиточностью русского населения («река и лес для них — и кладовая, и базар»), Эва уверена, что здесь можно спокойно забыть, где ты находишься. Более того, увиденные в одном из домов хрусталь, серебро, фарфор были «следами знакомства Березова с европейской цивилизацией».

Сравнение с тем, что «у нас», порождает мотивацию для описания быта и русских, и остяков.

«Может, я уже умерла для одного мира, но родилась для другого?» Чем занимается березовский житель и что продают в магазине, как похоронить на кладбище, предназначенном для знати, и какая водится рыба в Оби... Информация, которую можно почерпнуть и из других источников... Но только у Эвы Фелинской вы встретите трезвый взгляд европейца на быт сибиряка того времени: «Шука считается самой плохой едой, русские ее почти что не едят, кормят шукой только безмолвных собак, вскармливаемых лисиц и батраков из остяков». Автор интересна в своих воспоминаниях интонацией, которая меняется с течением времени. И исчезновение «у нас», обозначающее далекую родину, вряд ли литературный прием для Эвы. Автор вдруг четко осознает, что «у нас» — это в Березове.

«По мне, однако, ни один мех не может сравниться по красоте с черной лисой»; «моя европейская одежда и обувь могли лучше оказывать сопротивление воздействию здешних морозов»; «меня сегодня совершенно неожиданно посетил француз»; «мои удовольствия — это только заслуги цивилизации»; «я осмелела, пошла дальше»...

Оценки, поставленные европейкой Эвой Фелинской окружающей жизни аборигенов, не менее интересны в канве воспоминаний.

Всякое путешествие как жанр состоит из отдельных событий, связанных между собой лишь рассказчиком. После очередной артикулированной автором былички обозначена снисходитель-

ность к местному русскому населению. Она четкая, как приговор о высшей мере: «Достаток, легкость добывания всего от остяков за малую цену не побуждают их к борьбе с трудностями».

Приехавшие в Березов остяки пляшут под гитарные аккорды Эвы, выбивающей такт казачка. Она растрогана действием гостей и дает им немного денег. Но остяки не берут их. Автор удивлена благородству представителей дикого и бедного народа. Эва уверена, что «ограничение желаний порождает независимость, а независимость — это мать всяческого благородства».

Традиционен в воспоминаниях Эвы Фелинской набор экзотики: от людоедства до предсказаний проницательных шаманов. И даже рассказ о самоеде по имени Вауль, взбунтовавшемся против вечно пьяного и несправедливого заседателя, не выпадает из этого комплекта. Никаких революций, Вауль вместе с товарищами, предавшими его, — местная экзотика и не больше.

И что очень важно, на протяжении всей публикации — ни слова о своей ссылке на жительство в Березове. Может, поэтому и не повезло Фелинской с издателем в советские времена, когда любили больше бунтарей и революционеров?..

Публикация может стать и сегодня неплохим источником для исследователя-этнографа как русского, так и инородческого населения. Обилие литературы о жизни и быте обитателей Березова и его окрестностей середины XIX в. не исключает маленьких открытий с помощью Эвы Фелинской. По ее словам, «Воображение обычно представляет нам только поэтическую сторону далеких от нас предметов, реальность же волочится по нашим следам и разбивает самые прекрасные представления, когда мы к ним приближаемся...»

Поэтический рассказ европейской женщины Эвы Фелинской наконец-то появился в русском для коренного сибиряка обличии. Публикация ее дневников — это возвращение еще одного забытого имени в нашу память...

Ю.Л. Мандрика